

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Среди русских шпоридцевъ.—«Пейзажистъ съ лодочкой» въ русской литературѣ.—Недопустимое подражаніе.

Прошлов лѣто мы заняли нѣсколько столбцовъ нашего обозрѣнія бесѣдой объ очень неудачномъ романѣ В. І. Дмитріевой: «Червоный хуторъ». Въ настоящее время отъ изображенія природы и людей Украины неутомимая писательница перешла еще ниже на югъ. Последній ея рассказъ, начатый печатаніемъ въ апрѣльской книгѣ «Русскаго Богатства», посвященъ быту крайняго русскаго юга,—быту греческихъ поселенцевъ нашего черноморскаго побережья. Рассказъ называется «Мечта». Это клочекъ лодки, которую мечтаетъ приобрести себѣ бѣдный рыбакъ—грекъ Ламбро. Параллельно съ мечтою Ламбро развивается въ рассказѣ иная мечта его прежняго товарища, но далеко обогнавшаго его матеріальнымъ положеніемъ, Кристо. Этотъ мечтаетъ о любви хорошенькой Графы, жены Ламбро. И послѣдняя мечта развивается совершенно въ такихъ же преувеличенныхъ вишнихъ формахъ, съ какими мы встрѣчались и миновались въ прежнихъ романахъ, повѣстяхъ и очеркахъ г-жи Дмитріевой. Извольте полюбоваться сами.

Кристо спускается съ горы, изъ домика Ламбро, только что насмѣявшись надъ его любимой мечтою—когда-нибудь обзавестись собственной быстроходной «Мечтою». Въ отвѣтъ на насмѣшки товарища Ламбро сказалъ: «Можетъ, вотъ я здѣсь сижу и думаю купить себѣ лодку, а тамъ гдѣ-нибудь уже пилать доски, изъ которыхъ мнѣ будутъ дѣлать гробъ, да и тебѣ, Кристо, готовить бѣлый саванъ».

Эти мрачныя слова поразили легкомысленнаго

гуляку, и вотъ, пока онъ быстро обѣгаетъ съ горы, какія зловѣщія впечатлѣнія его преслѣдуютъ, за нимъ гонятся:

«Кристо чудилось, что за нимъ съ горы гонится что-то холодное, бѣлое, и цѣпляется ему за плечи, и шепчетъ въ уши: «Нѣтъ, Кристо, не убѣжишь, я—смерть твоя, я догоню тебя».. Холодный потъ выступилъ у Кристо на лбу, колѣнки у него тряслись, сердце трепетало, и каждый кустикъ на дорогѣ, каждый камень казался ему въ вечернемъ сумракѣ какимъ-то кривляющимся чудящамъ, пришельцамъ невѣдомаго міра»...

Врр!... даже страшно становится... А особенно страшно, когда мы вспомнимъ, что Кристо указываетъ за Графю, женою Ламбро, что Ламбро—грекъ, а «грекъ не любить, когда у него что-нибудь отнимаютъ», что наконецъ Графа уже почувствовала разъ «жаръ и боль пламенчаго поцѣлуя Кристо» (не учтась ли «пламенности» выраженій у Марлинскаго г-жа Дмитріева?). Это называется у нашихъ неутомимыхъ писательницъ—серьезно обдумать планъ повѣсти и неукосятельно-строго оному послѣдовать. На самомъ же дѣлѣ первая же строка подобнаго романа съ головою выдаютъ читателю и въ окончаніе. А вѣдь это немножко скучно,—не правда ли, читатель?

Лучше этимъ романическимъ, пылкимъ фантазіямъ а Іа Марлинскій и Бенедиктовъ—нѣкоторые этнографическія наблюденія рассказа. Очень характерны, напримѣръ, и не лишены колоритности такой рассказъ рыбака Ламбро: «Мнѣ было тогда лѣтъ 15, и крестный сказалъ, что пора уже меня приучать къ дѣлу. Строгий былъ старикъ и не любилъ, чтобы люди даромъ ѣли хлѣбъ. Вотъ и пошли мы съ нимъ смортить свисти,—глядимъ, на одномъ кричѣвъ что-то довало, да такое большое, что обояхъ насъ такъ и тянетъ кину. «Озетеръ!—говоритъ крестный,—бери багоръ, Ламбро, и держи наготовѣ, а я буду тащить; какъ высунетъ онъ морду, бей его хорошенько, а промахнешься, я тебя самого побью». Ну, я смотрю, держу багоръ, а самъ весь трасусь отъ страха,—думаю, что, если

улицу осетра? Вдруг крестный как закричать:—«Ламбро, Ламбро!» Я хватя багромъ, да мимо,—лодка у насъ такъ и заходила. Ну, думаю, все равно пропалъ:—бью багромъ самъ не знаю куда, а крестный сзади колотить меня по головѣ; я бью осетра, а онъ меня,—такъ вѣдь и думалъ, что околѣю»...

Какъ видите, писательницѣ нашей нельзя отказать въ наблюдательности народной жизни и народной рѣчи. Но, какъ всякая писательница, за малѣйшими исключеніями, и г-жа Дмитриева непремѣнно должна имѣть въ литературѣ своего кумира, которому поклоняется, за которымъ слѣдуетъ и отъ котораго ни на шагъ не отступаетъ. Кумиры эти могутъ мѣняться, но наличность котораго-нибудь—вѣчно обязательна, какъ обязательна для каждой особы прекраснаго пола твердая опора рѣшительной мужской руки. Какъ называется послѣдній кумиръ В. І. Дмитриевой, покажетъ ясно слѣдующій отрывокъ—ночная пѣсня рыбака Ефима (русскаго), третьяго товарища Кристо и Ламбро:

«Ефимъ сидѣлъ все въ той-же позѣ, на корточкахъ, и слегка раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, пѣлъ пѣсню. Лицо его выражало глубокую скорбь, а въ пѣснѣ звучала такая кромѣшная тоска, что у Ламбро сонъ сразу прошелъ, и ему стало холодно подъ теплымъ тулупомъ... «Ужъ ты, матушка моя родима»...—не пѣлъ, а рыдалъ Ефимъ, и его тонкій, восхищающій голосъ дрожалъ, какъ напряженная струна и, казалось, тихая ночь съ жаднымъ вниманіемъ вслушивалась въ эти скорбные стоны»...

Довольно, довольно! Этотъ мотивъ характеристики дѣйствующаго лица, по его пѣснѣ, давно и гораздо успѣшнѣе использованъ въ «Омѣ Гордѣевѣ», въ «Слѣпыхъ» и въ прочихъ произведеніяхъ г. Максима Горькаго, всего божьковъ. Насколько самъ Горькій зависитъ отъ „Пявцовъ“ Тургеневъ, и исказилъ-ли или «исправилъ» онъ свой высокій образецъ,—другой вопросъ...

Насколько мотылекъ въ своихъ литературныхъ симпатіяхъ В. І. Дмитриева, настолько-же непоколебимъ и недвижимъ, какъ скала, въ вѣчной

и единственной свей беллетристической темѣ К. М. Ставиюковичъ, давшій второе беллетристическое произведеніе апрѣльскому выпуску «Р. Богат.». У П. П. Гайдича есть недурной рассказецъ изъ быта художниковъ, живописующій нѣкогого «лейзажиста съ лодочкой». Дѣло идетъ объ отличномъ, очень мирномъ по характеру, молодомъ художникѣ, избравшемъ единственной своей моделью лодочку на взморьѣ, въ вечерній часъ, специализировавшемся на этой лодочкѣ, достигшемъ своей лодочкой и чрезвычайныхъ эффектовъ, и негромкой, но почетной извѣстности. Къ такимъ вотъ творцамъ-гигантамъ принадлежитъ и авторъ разсказа „Утро“ въ апрѣльской книжкѣ „Р. Богат.“. Давнымъ-давно избралъ К. М. Ставиюковичъ для своего художественнаго наблюденія и изображенія—море. Давнымъ-давно, едва ли не въ юбилейной давности лѣтъ, облюбовалъ онъ изъ-всей этой безконечно-разнообразной и безконечно-прекрасной, какъ сама жизнь, стихіи—одичъ-единственный необычайно-скромный и узкій уголокъ. Г. Ставиюковичъ началъ работать подъ влияніемъ либеральныхъ и освободительныхъ вѣяній, пронесшихся надъ Россіей. Этимъ вѣяніемъ совершенно соответствовалъ и образъ стараго служаки-моряка, „старого морского волка“, появившійся въ разсказахъ Ставиюковича. Писатель не безъ таланта представилъ этого командара, вскормленнаго желѣзной дисциплиной старины и такой-же дисциплины требующаго отъ подчиненныхъ; но такъ какъ онъ не измѣняетъ этихъ требованій и въ новыхъ, наступившихъ для флота, болѣе мягкихъ условіяхъ, то, понятно, въ концѣ-концовъ для службы и жизни становится ненуженъ этотъ неумолимо жесткій по вѣнжности, а внутренне истинно-честный и хорошій служака. Этотъ переходный моментъ тоже недурно былъ умовленъ Ставиюковичемъ.

Его рассказы понравились, пришлись по душѣ и по времени, и если-бы г. Ставиюковичъ ограничился ими, а не сталъ повторять одного и того-же типа десятки разъ, то сохранилъ-бы за собой позицію второстепеннаго, но нескучнаго рассказчика. Но вотъ и въ новомъ его разсказѣ,

как и въ неисчислимомъ множествѣ предшествующихъ, дѣло вертится все около того-же вѣчнаго станюковическаго персонала: все тотъ же передъ нами жесткій, неприступный командиръ и трепещущая его команда; но причина трепета, для разнообразія, взята иная: это командирована собака Діанка, нетерпимая за неделикатное обращеніе съ матросскими икрами вѣзмъ экипажемъ и въ одну ночь неожиданно съ судна пропавшая... Розыски «убійцы» волнуютъ весь экипажъ, не исключая и бѣдмана, и даже старшаго офицера... Дѣло разрѣшается просто и довольно неожиданно: Діанка, замѣтивъ ея провинности, утопилъ самъ, суровый на видъ, командиръ, и, утопивши, держитъ всему экипажу такую весьма невѣроятную, въ художественномъ смыслѣ рѣчь: „я выбросилъ за бортъ Діанку. Оказалась такой же подлой, лживой собакой, какими (собаками?) бывають и люди“...

Рассказъ заключается трогательно - наивными восторгамъ автора:

«А на бакѣ шлѣ ожигленные разговоры, и матросы радостно недоумѣвали.

«И въ его чудное (?) утро загадочность капитана, казалось, начинала проясняться» (1).

Я не могу согласиться съ эпитетомъ, даннымъ г. Станюковичемъ его «утру». Это скучное утро, блѣдное, безжизненное, такое, какимы не принято бывать въ натурѣ...

И еще замѣчу: писателей, крѣдко величаютъ подвижниками. Такъ, если подвижникъ — г. Станюковичъ, въ слѣдъ разг., бѣдняга, передѣлывающій свою единственную «лодочку», то я вправѣ назвать подвижницей и каплю, безчувственно долбящую камень, вправѣ наречь великимъ подвижникомъ и дятла, который вотъ сейчасъ у меня передъ глазами долбитъ старую дыру, качая старой, упрямой головой... — бругомъ подвижникъ!

Въ вѣкоторомъ родѣ подвижникъ и г. Борисъ Гегидзе, романъ котораго «Софья Пушкарева» продолжается въ той-же апрѣльской книжкѣ „Рус. Богатства“. Подвигъ этого неизвѣстнаго и, будемъ надѣяться, юнаго писателя заключается въ томъ, что, не имѣя ни тѣни собст-

венной писательской индивидуальности, г. Борисъ Гегидзе изо вѣзхъ силъ старается усвоить себѣ могучую и яркую индивидуальность Льва Николаевича Толстого. Съ какимы успѣхомъ, — понятно а priori. Для доказательства довольно одного отрывка, при чемъ читатель благоволилъ довериться намъ на слово, что и весь романъ (въ этомъ мы отдаемъ справедливость... терпѣнію г. Гегидзе) мучительно выдержанъ въ томъ же, не принадлежащемъ писателю, слогѣ. А теперь вотъ этотъ «толстовскій» отрывокъ.

«Тѣло Николая Александровича умираетъ. Но бѣднѣе, разрушающая тѣлескую оболочку, не могла разрушить духовнаго челоуѣка. И этотъ духовный челоуѣкъ жилъ во все время бѣднѣеи отдѣльно отъ плотскаго, чего съ Николаемъ Александровичемъ давно уже не было. Во все время въ его душѣ шла таинственная работа, создавая одно и уничтожая другое. И эта духовная работа была его вторая и настоящая жизнь»...

Неудачное, но несомнѣнное подражаніе неподражаемому мастеру...

Это не первый случай попытки усвоить могучій слогъ Толстого своимъ воробьинымъ чиликаньемъ; припоминаю, года три назадъ, и едва-ли не въ томъ же „Рус. Богат.“ читалъ я романъ одной дамы (г-жи Ельцовой, если не ошибаюсь); въ немъ были и картины скачекъ, и внутренняя жизнь военнаго кружка и морально-падающая дама, въ немъ и слогъ усиливался передать четкую пластинку „Карениной“, — да малости нехватало... Въ иномъ направлении, но эти романы также доказываютъ бессиліе и безжизненность современнаго русской повѣсти, какъ постоянно появляющіяся сценическія передѣлки старыхъ романовъ громко свидѣтельствуютъ о бессиліи и безжизненности современной русской драмы. Къ чему печатать подобныя пустяки въ журналахъ, когда довольно было бы сдѣлать простую ссылку: „еще разъ познимательнѣе прочитайте графа Толстого“, — мы рѣшительно не понимаемъ...

Ониксъ.